

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО РУССКИХ ПРЕДИКАТНЫХ ИМЁН

Анна Пазельская

В работе рассматривается возможность образования множественного числа у предикатных имён, т.е. у таких существительных, которые, подобно предикатам (глаголам и прилагательным), называют ситуации, и выделим типы значений формы множественного числа, свойственные таким существительным.

1. Аспектуальность и счётность

Про предикатные и вообще абстрактные имена обычно говорится, что они не имеют формы множественного числа (см., например, [Шахматов 1936/1952: 147], [Шахматов 1941/1952: 52-53]), а если и употребляются в этой форме, то соотношение форм единственного и множественного числа отличается от соотношения числовых форм предметных имён. С одной стороны, действительно, форма множественного числа от многих предикатных имён является неупотребительной, как, например, **сияния*, **отвинчивания*, от некоторых — имеет только конкретное (производное) значение, как, например, *испарения* и *изобретения*, а некоторые предикатные имена, такие как *рост* или *тоска*, не имеют даже морфологической формы множественного числа.

При этом, как справедливо отмечается в [Ляшевская 2002], существуют предикатные имена, такие как *прыжок* или *погружение*, множественное число которых имеет вполне “арифметические” употребления, т.е. обозначают две или больше ситуаций, называемых данным именем.

Задача этой работы — выявить основные факторы, которые влияют на наличие у предикатного имени формы множественного числа и на её интерпретацию.

Одним из важнейших таких факторов считается аспектуальный класс предикатного имени, т.е. “тип ситуации”, обозначаемой словом: процесс, событие, состояние или свойство. Давно замечено, что признаки, по которым типичные наименования ситуаций — глаголы — делятся на аспектуальные классы, во многом параллельны признакам исчисляемости существительных (см., в частности, [Mourelatos 1978], [Paprotté 1988], [Vikner 1994], [Bach 1986], [Bach 1981], а также [Падучева 1991] и [Браккер 1980] для русского языка).

Так, состояния, как и субстанции, не имеют чётких границ, и как любая часть воды — вода, точно так же если верно высказывание *Петя спал два часа*, то для любого временного отрезка X внутри этих двух часов верно *Петя спал X {времени}*.

Для многоактных процессов и деятельностей обычно существует такой предел деления, после которого части уже не тождественны всей ситуации в целом, а обозначают отдельные её кванты, как, например, *бег*, *ходьба* или *танец* распадаются на шаги — точно так же как *пыль*, например, после некоторого предела деления становится отдельными пылинками.

С другой стороны, предельные ситуации, как и дискретные объекты окружающего мира, не тождественны никакой из своих частей и неаддитивны: две или более аналогичных предельных ситуации, произошедших последовательно, не могут объединиться в одну ситуацию того же типа: *дважды написать письмо* не то же самое, что *написать письмо*.

Однако прямая аналогия между состояниями (типа *восхищение*) и несчётными недискретными веществами (типа *вода*); процессами (типа *бег*) и несчётными сущностями, состоящими из множества подобных частей (типа *пыль*); событиями (типа *извержение*) и дискретными объектами (типа *стол*) в русском языке сплошь и рядом нарушается. Если названия состояний, в основном, действительно не допускают множественного числа, то в случае процессов и

событий имеются нарушения в обе стороны. Существуют названия процессов, имеющие множественное число, как, например, *разговор* в контекстах типа (1):

(1) Наши разговоры всегда были краткими, но содержательными.

С другой стороны, очень многие названия событий не имеют множественного числа: так, словоформы *вставки* или *украшения* имеют только предметное значение, а **приклеивания* или **рождения* вообще не употребляются — даже когда речь идёт о нескольких отдельных ситуациях:

(2a) Когда мы рассылали приглашения, приклеивание марок на конверты заняло много времени.

(б) *Когда мы рассылали приглашения, приклеивания марок на конверты заняли много времени.

Гипотеза о сходстве исчисляемости объектов мира и аспектуального типа ситуации упускает также из виду тот факт, что совокупности объектов обычно а priori не предполагают упорядоченности, а множества событий могут быть временными последовательностями, — например, *пыль* представляет собой неупорядоченное множество пылинок, а *бег* — временную последовательность шагов. Как будет показано, такое различие временной последовательности и неупорядоченного во времени множества играет для образования множественного числа предикатных имён важную роль.

Очевидно, что на способность предикатного имени употребляться во множественном числе его аспектуальный класс влияет не так прямо, как это следует из гипотезы о подобии событий дискретным объектам и неопредельных ситуаций неисчисляемым сущностям. Мы попытаемся обнаружить другие факторы, которые влияют на способность предикатного имени употребляться во множественном числе. Для этого сначала выделим разные типы значений множественного числа, которые демонстрируют предикатные имена.

2. Типы значений множественного числа предикатных имён

Мы рассмотрим только такие употребления множественного числа предикатных имён, в которых множественное число имеет достаточно тривиальное значение: если *X* — название ситуации, то “*X*-ы” должно обозначать ‘разные наступления ситуации *X*’. Таким образом, мы исключаем случаи, когда предикатное имя употребляется во множественном числе только с предметным значением (типа *изобретения*, *украшения*), а также такие существительные, множественное число которых называет некоторую новую, отличную от исходной, ситуацию (так наз. словообразовательные значения числа по [Ляшевская 2002]), как, например, *бег* — *бегá*.

Мы также постараемся исключить из рассмотрения множественное число в чисто мультипликативной интерпретации, когда оно обозначает одно событие, состоящее из нескольких мелких действий, как слово *прыжки* в контекстах типа (3):

(3) Он в несколько прыжков нагнал меня

Это, в частности, позволит нам не рассматривать отдельно употребление множественного числа от названий мультипликативных процессов (типа *похлопывание* — *похлопывания*) и их квантов (типа *кивок* — *кивки*).

Употребления типа ‘разные наступления ситуации *X*’ подразделяются на два основных класса: ‘разные проявления *X*’ (примеры (4a-б)) и ‘разные случаи *X*’ (примеры (5a-б)):

(4a) Разного рода загрязнения фильтрующей системы препятствуют свободному стоку воды.

(б) В городе уже шли приготовления к наступающему вечером великому празднику Пасхи (М. Булгаков).

(5a) После нашей третьей встречи я уже не удивлялся тому, что она сделала.

(б) За истекшие сутки в городе произошло 4 кражи, 2 убийства и одно вооружённое ограбление.

Употребления первого типа (‘разные проявления *X*’) аналогичны употреблениям множественного числа предметных имён типа *груз* — *грузы*, когда множественное число фактически синонимично единственному, но при этом подчёркивает разнородность совокупности объектов. Употребления второго типа (‘разные случаи *X*’) сходны со значениям множественного числа от названий дискретных предметов, ср. *столы*. Крайней (впрочем, достаточно маргинальной) разновидностью первого типа является “ассоциативная” множественность — ‘*X* и подобные ему’, как в (6):

(6) Как только он вошёл, начались улыбки, смешки, перешёптывания...

Здесь, как представляется, *улыбки*, *смешки* и *перешёптывания* вполне могут не исчерпывать всего множества происходящих событий, и слушатель в состоянии достроить картину по принципу ‘и другие подобные события’.

Все эти типы употреблений множественного числа регулируются разными правилами, т. е. накладывают разные ограничения на семантику имени.

2.1. Значение ‘разные проявления X’

Это значение множественного числа предполагает, что имя во множественном числе обозначает несколько совершенно разных ситуаций, которые, однако, по тем или иным причинам могут быть названы одинаково, т. е. существует такая точка зрения, с которой они тождественны — либо потому, что они имеют один и тот же результат (как в примере (4а)), либо служат одной и той же цели (как (4б)).

Правила, регулирующие употребления множественного числа этого типа, видимо, должны быть аналогичны правилам употребления множественного числа вещественных существительных типа *грузы*. Очевидно, что для значения ‘разные проявления X’ нужно, чтобы X имел несколько разных типов возможных проявлений, т. е. чтобы способ осуществления ситуации задавался самим словом не слишком жёстко, поэтому, например, возможно *приготовления к празднику* и невозможно **уборки комнат к празднику*; ср. также *преследования инакомыслящих властями* (неспецифицированные действия) и **преследования волков охотниками* (конкретное физическое действие).

Также неконкретным, коллективным (и, возможно, разным в разных проявлениях) должен быть субъект действия: **преследования Петрова со стороны Иванова* при допустимом *преследования Петрова со стороны властей*. В примере (4а) тоже подразумевается, что фильтры засоряет не один человек.

Неспецифицированность объекта действия не обязательна, но желательна; в этом случае он может даже инкорпорироваться в состав имени, как, например, в слове *грузоперевозки*, или выражаться при имени прилагательным, как в *денежные переводы*, становясь, таким образом, не столько актантом, сколько названием отдельного подвида в рамках вида, обозначаемого существительным, ср. *хвост (этой) рыбы* и *рыбий хвост*.

Разные проявления X — это ситуации, которые, на самом деле, могут быть очень непохожи одна на другую (*преследования* или *приготовления* могут выражаться в самых разных действиях), и для их объединения во множественном числе одного слова они, как мы видели, должны быть максимально деиндивидуализированы, чтобы стать однородными между собой.

2.2. Значение ‘разные случаи X’

Это значение множественного числа, в отличие от предыдущего, наоборот, предполагает, что в разные моменты времени и в разных точках пространства реализуются более-менее одни и те же ситуации; “происходит одно и то же”. Поэтому такое значение множественного числа, напротив, имеют существительные, называющие достаточно специфицированные действия, т.е. указывающие не только на результат или цель осуществления данной ситуации, но и на способ её осуществления.

Поскольку “разные случаи X” представляют собой в общем-то подобные ситуации, требуются дополнительные причины для того, чтобы дать происходящему название “X-ы”, а не “многократный X”. Такими причинами могут быть или разные участники, или существенные периоды времени, разделяющие разные наступления этих событий, сопровождающиеся аннулированием результата предыдущего наступления события до нового его наступления.

Употребления типа ‘разные случаи X’ естественно разделить на две группы:

1) события, происходящие с разными участниками, но объединённые периодом времени, как в примере (5б), или общей причиной (пример (7)) или целью (пример (8));

(7) Произошло несколько арестов. В числе других задержанными на короткое время оказались: В Ленинграде — граждане Вольман и Вольнер... (М. Булгаков; из финала “Мастера и Маргариты”)

(8) Начались повсеместные ограбления уважаемых людей с целью присвоения их имущества¹.

2) события, происходящие с одними и теми же участниками в разное время и, возможно, в разных местах, как в примере (5а).

Употребления первого типа (с разными участниками) можно условно назвать дистрибутивной множественностью, а употребления второго типа (с одними и теми же участниками) — множественностью многократности, повторяемости. Здесь как раз проявляется противопоставление простого множества

¹ Этот пример в принципе возможен и без слов “с целью присвоения их имущества”. Однако, как представляется, в таком случае всё равно слушатель вынужден будет домыслить нечто, что связывает упоминаемые “ограбления”, и скорее всего это будет как раз общая причина или цель.

ситуаций и упорядоченной во времени последовательности. Действительно, дистрибутивность — это такая множественность однотипных ситуаций, при которой они не упорядочены во времени одна относительно другой и могут свободно реализовываться одновременно, перекрываясь или в любом порядке. А многократность непременно предполагает следование однотипных ситуаций во времени: следующая не начнёт реализовываться, пока не закончится предыдущая.

Предлагаемая здесь трактовка типов множественности предикатных имён напоминает типологию “множества ситуаций” в [Храковский 1989: 23-52]. Однако, в отличие от её автора, мы берём за основной критерий различения дистрибутивной и многократной (у Храковского — итеративной) множественности не “тождественный набор участников vs. разные наборы участников”, а “один период времени vs. разные периоды времени”, так как нам представляется, что отрезки времени сопоставлять легче, чем наборы участников. При этом для наших целей этот критерий более релевантен в форме “разные периоды времени vs. отсутствие противопоставления”, вернее, “последовательность vs. неупорядоченное множество событий”.

3.2.1. Дистрибутивная множественность

Как уже указывалось, это значение множественного числа предикатных имён предполагает отсутствие упорядоченности во времени разных наступлений события X. Так, в примере (5б) ничего не сказано о взаимном порядке происшедших событий; более того, элементы трёх названных множеств вполне могли быть “перемешаны” с точки зрения распределения во времени; эти события могут также перекрываться одно с другим.

Для этого значения крайне важным является фактор “событийной значимости”, выявленный в [Ляшевская 2002] для глаголов движения: каждое новое наступление ситуации должно быть достойно рассмотрения как “отдельное событие”. Для этого обычно требуется, чтобы действие либо совершалось над человеком или человеком (если в ситуации есть только один участник), либо оказывало сильное влияние на человеческую жизнь. Поэтому множественное число этого типа с лёгкостью допускают предикатные имена, называющие ситуации, происходящие только с людьми, такие как *аресты*, *исключения (из школы)* или *избрания*, и гораздо хуже — те, которые не имеют такой избирательности: *переводы*, *превращения*, *купания* (для этих существительных более предпочтительно множественное число многократного типа, ср. *наши купания при луне*), и практически не допускают такого употребления существительные, называющие действия “обработки”, обычно не затрагивающие людей: **литья*, **рубки*, **резки*. Исключение составляют только названия “погодных” ситуаций: *морозы*, *вьюги*, *штормы*, *ветра*. Слово *ветра*, кроме того, имеет и множественное число типа ‘разные проявления X’ — видимо, оно обозначает достаточно разнородные ситуации.

3.2.2. Многократная множественность

Для того чтобы ситуации, происходящие с одним и тем же набором участников, рассматривались как разные, нужно, чтобы к каждому новому наступлению данной ситуации последствия предыдущего её наступления так или иначе были уже аннулированы: так, *приезды Ивана* предполагает, что Иван приезжал и уезжал, *плавания капитана* — что капитан отплывал и возвращался домой, *погружения водолаза* — что он всплывал на поверхность, и т. д. — см. об аналогичном параметре ситуации в [Forsyth 1970], [Talmy 1988].

В отличие от предыдущего, этот тип множественного числа (множественное число повторяемости) не требует непременно задействования человека — аннулирование результата здесь важнее, чем свойства участников ситуации. Множественное число этого типа с существительными, обозначающими воздействие на объекты неживого мира, предполагает проявления своего рода “сопротивления материала”: так, *скручивания жгута*, *сминания бумажки* в принципе возможны, так как предполагается, что при прекращении воздействия объект может принять исходную форму; но, например, ни одно существительное, описывающее ситуацию разрушения (такое как *ломка* или *разрыв*), множественного числа этого типа допускать не будет — а поскольку ситуации разрушения обычно предполагают воздействие на объекты неживого мира, а не на людей, то названия таких ситуаций не будут допускать и множественного числа дистрибутивного типа и, таким образом, практически не будут употребляться во множественном числе. То же самое верно и для ситуаций создания: **вышивки картин* невозможно в дистрибутивном значении, так как данное событие не является достаточно “значимым”, и невозможно в многократном значении, так как сложно себе представить аннулирование результата такой ситуации.

В отдельную подгруппу этой группы, видимо, следует выделить названия регулярно повторяющихся ситуаций, таких как *обеды*, *зимы*, *вечера* и т. д. Эти ситуации также предполагают некоторую ограниченность во времени, чередование X и не-X.

Интересно проследить взаимодействие множественного числа в дистрибутивном и многократном значениях с именами, допускающими аспектуальную неоднозначность типа ‘предельное событие = вхождение в состояние’ — ‘само это состояние’. Такие свойства проявляет, например, существительное *ссылка*:

(9а) После ссылки декабристов в Сибирь общественное движение надолго приостановилось.

(б) После ссылки в Сибирь он вернулся больным.

В примере (9а) слово *ссылка* имеет значение ‘вхождение в состояние: декабристы сосланы’, а в примере (9б) — значение ограниченного во времени состояния ‘был в ссылке’.

Эти два значения предикатных имён образуют множественное число разных типов:

(9’а) После массовых ссылок инакомыслящих в Сибирь правительство могло больше не беспокоиться.

(б) После нескольких ссылок в Сибирь здоровье его пошатнулось.

Слово *ссылка* со значением ‘вхождение в состояние’ (пример (9’а)) допускает только множественное число дистрибутивного типа (со многими участниками), тогда как оно же со значением ‘ограниченное во времени состояние’ имеет множественное число рассматриваемого, многократного типа с одним набором участников (пример 9’б). Отметим, что слово *ссылка* при дистрибутивном значении множественного числа в принципе может интерпретироваться не только как ‘вхождение в состояние’, но и как ‘ограниченное во времени состояние’:

(9’в) После сибирских ссылок вернулись уцелевшие заговорщики.

3. Необходимые условия для множественности ситуаций

В заключение опишем условия, необходимые для того, чтобы несколько ситуаций можно было назвать одним словом во множественном числе.

Вопрос, насколько должны различаться ситуации, чтобы их можно было назвать одним словом во множественном числе, распадается на два: во-первых, насколько могут быть различны ситуации, чтобы их (ещё) можно было назвать одним словом (ср. пример из [Wierzbicka 1969]: “человек, держащий в руке сестерций и доллар, не имеет в уме идеи “два”, пока он не подвёл свои сестерций и доллар под какое-то общее понятие, например монеты, т. е. пока он не нашёл у предметов общего свойства”²), и, во-вторых, насколько должны быть различны ситуации, чтобы их (уже) можно было назвать словом во множественном числе. Ответы на эти два вопроса задают интервал, в который должна попадать “мера различия” двух ситуаций: ответ на первый вопрос ограничивает этот интервал сверху, ответ на второй вопрос — снизу.

Для трёх выделенных типов множественности (множественности типа ‘разные проявления X’ и множественности типа ‘разные случаи X’ в дистрибутивном и многократном проявлениях) ответы на эти вопросы будут разными, так как различие по одному параметру компенсируется сходством по другому.

Начнём с множественности типа ‘разные проявления X’. Требование различности ситуаций здесь удовлетворяется тем, что ситуации, описываемые предикатным именем во множественном числе, могут быть очень разными денотативно. Это различие, однако, компенсируется сходством целей или последствий — а также тем, что в русском языке существуют возможности назвать ситуацию не только по способу её осуществления, но и по вызванным последствиям и достигнутым целям.

Рассмотрим теперь множественность, при которой ситуации денотативно совпадают — множественность типа ‘разные случаи X’, и начнём с многократного её проявления. По параметру, который мы приняли за основной для различения многократной и дистрибутивной множественности — параметру времени — ситуации с необходимостью различаются. Этого достаточно для выполнения требования различности ситуаций. Для выполнения требования сходства ситуаций необходимо совпадение хотя бы одного из центральных участников ситуации — агенса или пациенса. Из этого требования следует требование “аннулирования результата” предыдущего осуществления ситуации перед каждым её следующим осуществлением.

В дистрибутивном типе множественности нет требования несовпадения ситуаций во времени. Поэтому один из способов реализовать требование сходства — это поместить называемые ситуации в общий период времени (например, *за прошедшие сутки*). Однако есть и другие варианты, среди которых основными можно считать общую причину или общую цель осуществления данных ситуаций. Требование различия ситуаций выполняется путём максимальной индивидуализации участников ситуации: предпочтительнее всего, чтобы это были люди.

Вышеописанные типы множественного числа предикатных имён и различия между ними можно свести в таблицу:

соотношение ситуаций	+ денотативное тождество		- денотативное тождество
	+ временная упорядоченность	- временная упорядоченность	

² Цит. по [Падучева 1974: 113].

тип множественности	многократная множественность типа 'разные случаи X'	дистрибутивная множественность типа 'разные случаи X'	множественность типа 'разные проявления X'
условия различности ситуаций	несовпадение во времени	несовпадение участников	денотативное несовпадение ситуаций
условия сходства ситуаций	общие участники ⇒ аннулирование результата	совпадение ситуаций по времени/ причине/ цели	общая цель/последствие; специальный способ номинации
пример	<i>его приезды</i>	<i>аресты диссидентов</i>	<i>приготовления к празднику</i>

Автор благодарит за ценные замечания и пожелания Е. В. Падучеву, П. М. Аркадьева, Е. А. Лютикову и О. Н. Ляшевскую.

Литература

1. Браkker 1980 — Браkker Н. В. Синтез видовых значений глагола и числа отпредикатного имени ситуации. // *НТИ*, сер. 2, 1980, №9, с. 26-29.
2. Ляшевская 2002 — Ляшевская О. Н. Число и движение: к семантике грамматической категории. // *Семиотика и информатика*, вып. 37.
3. Падучева 1974 — Падучева Е. В. *О семантике синтаксиса*. М., 1974.
4. Падучева 1991 — Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. // *НТИ*, сер. 2, 1991, № 5, с. 21-28, 31.
5. Храковский 1989 — Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л., 1989, с. 5-53.
6. Шахматов 1936 — Шахматов А. А. *Очерк современного русского литературного языка*. М., 1936.
7. Шахматов 1941 — Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. М., 1941.
8. Шахматов 1952 — *Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку*. М., 1952.
9. Bach 1981 — Bach, Emmon. On time, tense and aspect: An essay in english Metaphysics. // Cole, Peter (ed.). *Radical pragmatics*. New York, 1981.
10. Bach 1986 — Bach, Emmon. The algebra of Events. // *Linguistics and Philosophy*, vol. 9, pp. 5-16.
11. Forsyth 1970 — Forsyth, James. *A Grammar of Aspect. Usage and meaning in the Russian Verb*. Cambridge, 1970.
12. Mourelatos 1978 — Mourelatos, Alexander P. *Events, processes, and states*. // *Linguistics and Philosophy*, vol. 2, pp. 415-434.
13. Paprotté 1988 — Paprotté, Wolf. A Discourse Perspective on Tense and Aspect in Standart Modern Greek and English. // Rudzka-Ostyn (ed.) 1988, pp. 447-505.
14. Rudzka-Ostyn (ed.) 1988 — Rudzka-Ostyn, Brygida (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
15. Talmy 1988 — Talmy, Leonard. The Relation of Grammar to Cognition. // Rudzka-Ostyn (ed.) 1988, pp. 165-205.
16. Vikner 1994 — Vikner, Carl. Change in homogeneity in verbal and nominal reference. // Bache, Carl, Hans Basbøll & Carl-Erik Lindberg (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. (Empirical approaches to language typology 12.) Berlin, 1994, pp. 139-164.
17. Wierzbicka 1969 — Wierzbicka, Anna. *Dociekania semantyczne*. Wroclaw-Warsawa-Kraków, 1969.